

УЛЬТРАПРАВЫЕ РВУТСЯ К ВЛАСТИ

И. ПОЗДНЯКОВ

СОРНЯКИ ПУСКАЮТ КОРНИ

В ПОСЛЕДНЕЕ время во многих капиталистических странах вновь поднимается змеяная голова фашизма: рвутся оасовские бомбы в алжирских и французских городах, опять воют о реванше перекарсившиеся немецкие нацисты, как грибы, растут в США неофашистские организации.

В Японии все более нагло начинают действовать «правые», как именуют себя ультранационалисты, фашисты и тому подобное отребье. Сейчас в этой стране насчитывается 11 милитаристских и «правых» объединений.

Вот перечень некоторых «подвигов» японских «ультра» за последние два года. 29 марта 1960 года во время забастовки на шахтах Миикэ правые убили рабочего Кубо Киёси. 2 апреля молодчики из «Общества сосновых игл» совершили нападение на типографию газеты «Майнити». 15 июня отряд «борцов за обновление» напал на колонну демонстрантов и ранил около ста человек. 12 октября убит председатель Социалистической партии Японии (СПЯ) Асанума. 1 февраля 1961 года совершено нападение на дом издателя «Тюо корон» Симанака Ходзи, 8 декабря — на здание ЦК КПЯ, а 29 декабря — покушение на видного деятеля СПЯ Судзуки Мосабуро. С весны 1962 года правые развернули кампанию за отставку правительства Икэда, которое они считают «слишком либеральным». «Теоретик» правых Кодзима Гэнси неоднократно заявлял в печати о необходимости государственного переворота.

Наиболее ярким проявлением возросшей опасности фашизма в Японии был антиправительственный заговор правых, раскрытый в декабре 1961 года.

Группа заговорщиков начала свою деятельность еще в 1959 году в организации под скромным названием Общество по изучению отечественной истории. К лету 1961 года она создала разветвленную сеть отделений, охватывавшую многие города страны — Токио, Нагасаки, Фукуока, Итикава.

В руководстве заговором было своего рода разделение труда: Кодзима Гэнси считался идеологом организации, финансировал ее Каванами Тоёсаку, владелец компании «Каванами когё», а «отряды действия» подготавливал Миками Таку.

В сентябре 1961 года было принято решение осуществить государственный переворот. 9 декабря расширенное заседание «общества», на котором присутствовало 127 человек, установило точную дату переворота — конец января 1962 года, когда должна была открыться сессия парламента.

Заговорщики планировали осуществить нападение на парламент, на штабы КПЯ, СПЯ и Генерального совета профсоюзов («Сохё»).

В намерения путчистов входило и создание нового антикоммунистического правительства (в него должны были войти, в частности, бывший генераль-

ный инспектор полиции Танака Эйити и бывший прокурор Токио Кисимото Ёсихиро), призванного перейти к решительному подавлению демократических сил.

Боевыми силами заговорщиков должны были стать отряды молодчиков с принадлежащих Каванами судоверфей, а также из представителей правых студенческих организаций «Санъюдзюку» и «Кусуномикай». (В июле 1961 года «Санъюдзюку» проводила тренировочные сборы в Сирозмадакэ и в префектуре Ниигата, а в августе члены организации участвовали в учениях по ведению «партизанской войны» в лагере «сил самообороны» в Нарасино.)

Общество «Санъюдзюку» входит во Всеяпонскую народную лигу, которая, так же как и так называемый Всеяпонский конгресс патриотических организаций, представляет собой «организацию действия» японского правого движения. Во главе лиги стоит бывший начальник оперативного отдела генштаба генерал-лейтенант Танака Синъити, тесно связанный с руководителями заговора. Лига объединяет в своих рядах ярых милитаристов, студентов-ультранационалистов и военнослужащих «сил самообороны». Она имеет центры в крупнейших промышленных районах страны: в Токио, Осака, Кобе, Киото, на Северном Кюсю и Хоккайдо. Свою основную цель — борьбу с демократическими силами — руководство лиги откровенно формулирует как «развертывание мощного народного движения, направленного на подавление сил, стремящихся изменить существующую социальную систему». Все это свидетельствует о том, что в подготавливаемом заговоре Всеяпонская народная лига должна была сыграть важную роль.

Заговорщики развили бурную деятельность по приобретению оружия через Южную Корею. Каванами сам ездил туда после майского военно-фашистского переворота и дважды направлял директора своей компании. Не случайно, как сообщала позднее газета «Токио симбун», сразу же после осуществления переворота мятежники намеревались обратиться за помощью к южнокорейскому диктатору Пак Чжон Хи. Каванами тратил миллионы на подготовку заговора. Он вовлек в него все руководство своей компании.

Помимо Каванами, в заговоре участвовал еще целый ряд представителей делового мира, например, президент компании «Кёва когё» Танака.

Многие буржуазные газеты пытались впоследствии преуменьшить опасность фашистского переворота, называя его «совершенно абсурдным», «кошмочной эпохой», «заблуждением, порожденным торжеством мышления» и т. д. Газета «Июмиури» писала: «До войны правые обладали угрожающей силой потому, что имели за своей спиной силу и деньги армии. Но послевоенные правые, утратившие свою главную опору — армию, представляют собой не что иное, как «траву без корней».

Подобные утверждения не имеют ничего общего с фактами. Фашистский сорняк пустил глубокие корни на японской земле. В заявлении ЦК КПЯ отмечалось, что его участники «были воодушевлены антисоветской и антикоммунистической политикой зависимо от американского империализма правительства Икэда».

МИЛИТАРИЗМ И ФАШИЗМ — БЛИЗНЕЦЫ

Недобитые японские милитаристы вновь становятся главной опорой неофашизма. По всей стране создано к настоящему времени более четырех тысяч милитаристских организаций и групп, большинство которых стоит на ультраправых позициях и требует возрождения военной мощи Японии. Руководителем наиболее крупного, полуторамиллионного объединения милитаристских организаций — Всеяпонской ассоциации ветеранов — является генерал Нэмото Хироси, который в 1957 году командовал гоминьдановскими войсками на островах Мадзу и Куэмой. Лишь на 400 тысяч членом меньше имеет другой союз — Дружественная лига японских ветеранов во главе с генералом Окамура Ясудзи. В программе этого союза открыто ставится задача «поддержания общественной безопасности», другими словами — подавления демократического движения.

В своих далеко идущих планах заговорщики не без основания рассчитывали на «дружественный нейтралитет» «сил самообороны». Более того, они надеялись в самом начале планируемого мятежа привлечь на свою сторону около тысячи военнослужащих.

Немедленно после провала заговора представители правительства и управления «сил самообороны» заявили, что никто из военнослужащих не был замешан в заговоре и что вообще правые не связаны с отрядами «самообороны». В действительности эти связи очень крепки. Об этом свидетельствует много фактов.

По официальным сведениям, 2700 выпускников военных наборов составляют сейчас костяк армии. Именно на их привлечение к мятежу и делали ставку заговорщики. В «силах самообороны» господствует старая военщина императорской армии, насквозь пропитанная монархо-реакционной идеологией. Из 18 генералов войск «самообороны» в прежней императорской армии служили десять, из семи адмиралов — шесть, из 109 бригадных генералов — 91 и все семь нынешних генералов военно-воздушных сил.

Заговорщики были связаны с различными отрядами штаба «сил самообороны», с военными академиями и т. д. Среди офицеров войск «самообороны» организаторы путча неоднократно проводили собрания, на которых присутствовало по нескольку десятков слушателей военных академий.

Широкие связи имели путчисты с другими правыми организациями. Уже на следующий день после ареста заговорщиков, 13 декабря, ультраправые организовали в Токио ряд выступлений с требованием освобождения арестованных. Объединение фашиствующих штурмовиков — Всеяпонский конгресс патриотических организаций — 14 декабря провело экстренное заседание правления, на котором единодушно одобрило цели заговора. «На этот раз получилась осечка, так будем же готовы ко второму и третьему заговорам!» — такова была реакция правых на провал мятежа.

Разгул фашизма — результат антинародной политики японских правящих кругов, порождение системы, основанной на японо-американском «договоре безопасности». Поддержка террористических режимов Южного Вьетнама, Тайваня и Южной Кореи, подготовка общественного мнения к перспективе посылки японских войск за границу, территориальные претензии к СССР, отказ встать на путь нейтралитета — все это создает благоприятную почву для разгула шовинизма и фашизма. Японское правительство фактически признало созданный в результате переворота военно-фашистский режим в Южной Корее и прилагает усилия к созданию нового агрессивного союза НЕАТО.

Правительство Икэда под дымовой завесой антикоммунизма осуществляет широкое наступление на демократические права народа. Одной из важнейших задач своего «нового курса» Либерально-демократическая партия провозгласила борьбу с угрозой «мирового коммунизма» в Азии. Правящие круги применяют против трудящихся все формы репрессий: аресты, обыски, увольнения, дисциплинарные взыскания и т. д. Так, 807 участников борьбы против новой системы служебной аттестации учителей подверглись репрессиям. Оценивая эти действия, известный историк Хани Горо заявил: «Эти жестокие репрессии... предупреждают нас о рождении неофашизма».

Казалось бы, после убийства председателя СПЯ Асанума и других террористических актов японских фашистов правительство должно было запретить правые организации. Однако председатель токийского суда — этот карающий меч власть имущих — заявил, что правые появились вследствие «буйства левых». 29 марта 1962 года заместитель начальника управления общественной безопасности Сэки поставил последние точки над «и»: он признался в парламенте, что 82 процента оперативного состава и 87 процентов всех ассигнований управления используется против левых организаций.

В самой правящей Либерально-демократической партии образовалось сильное правое крыло. В парламенте оно представлено группой «Сосинкай», состоящей из 85 депутатов. До капитуляции Японии почти все они были высокопоставленными чиновниками, офицерами, ультранационалистами. Эта группа выступает как новая политическая сила и вместе с другими правыми организациями толкает правительство к проведению все более реакционной политики.

Главные движущие силы наступления реакции и активизации ультраправых организаций в стране следует искать в реакционном курсе японского монополистического капитала. Именно монополии вскармливают фашистские организации и отряды, созданные в целях подавления рабочего и демократического движения. В настоящее время нет ни одной крупной компании, которая не финансировала бы правых организаций. Огромные средства получали и получают, к примеру, различные штурмовые отряды, входящие во Всеяпонский конгресс патриотических организаций. Эти «сторожевые псы» верно служат своим хозяевам. Они участвуют в подавлении забастовок и — что не менее важно — осуществляют террор против вождей пролетариата и всего демократического лагеря. Один из крупнейших деятелей монополистического капитала Исидзэка Тайдзо сразу же после убийства Асанума не постеснялся приветствовать террористов на страницах буржуазной газеты «Майнити».

Большую роль в активизации японских правых играют специальные американские службы. С американской разведкой были связаны Миками Таку, Сакураи Токутаро и другие участники заговора правых. Причастна к организации путча и гоминьдановская разведка, агент которой Ли Сю-лин был в числе арестованных после провала заговора. Кстати сказать, Ли Сю-лин — сын предателя китайского народа, одного из министров марионеточного правительства, созданного японцами во время войны. Разведчик поддерживал тесные отношения с ультраправым лидером Кодама Ёсио и с одним из руководителей правящей партии — Оно Бамбоку. Не следует забывать также, что убийца председателя СПЯ Асанума — Ямагути принадлежал к Всеазиатской антикоммунистической лиге молодежи, в которую входят также чанкайшисты и южнокорейские фашисты.

Как видим, сколачиваемый милитаристами агрессивный блок НЕАТО дополняется дальневосточным альянсом фашистов. Однако мир 60-х годов XX века коренным образом отличается от мира 30-х годов. Борьба народных масс срывает планы реакции. Благодаря объединенным усилиям всех демократических сил Японии правительству не удалось протолкнуть через парламент реакционный законопроект «О предотвращении политического насилия» и его последний вариант «О поддержании демократического порядка». Не были претворены в жизнь и притязания милитаристов на введение военного обучения в школах. Японскому неофашизму не удалось создать массовую партию.

Угроза справа остается. Но рост могущества социалистического лагеря, мощь и единение всех демократических сил самой Японии сорвут наступление мрачных сил реакции, фашизма и войны.

СТУДЕНТЫ ПРОДОЛЖАЮТ БОРЬБУ

ПРАВИТЕЛЬСТВО Пакистана, стремясь подавить прогрессивное движение в стране, запретило в феврале 1952 года пакистанским гражданам собираться группами более пяти человек. Возмущенные этим антидемократическим актом студенты университета в Дакке (Восточный Пакистан) организовали мощную демонстрацию протеста. Власти зверски расправились с демонстрантами, приказав полиции открыть огонь по безоружным людям. С тех пор в городе Дакке 21 февраля ежегодно отмечается как День памяти жертв.

В связи с обострением внутриполитического положения демонстрации студентов Восточного Пакистана в этом году начались намного раньше этой памятной даты. Уже 1 февраля студенты различных учебных заведений Дакки в знак протеста против антидемократической политики правительства отказались посещать лекции. Их примеру последовало студенчество некоторых других городов Восточного Пакистана.

6 февраля многие студенты университета не явились на занятия. К середине дня организованной колонной они направились к зданию верховного суда Восточного Пакистана, чтобы выразить протест против арестов и жестокого обращения с политическими заключенными. Полиция пустила в ход слезоточивый газ. Демонстранты ответили градом камней, сожгли полицейскую автомашину,

подожгли помещение редакции правительственной газеты «Азад». Было ранено семь студентов и несколько полицейских. По сообщению газеты «Доон», волнения происходили и в других учебных заведениях страны.

Власти ввели в Дакке чрезвычайное положение, запретив всякую политическую деятельность и организацию демонстраций. В течение недели было арестовано более двухсот человек, в том числе известные политические деятели.

Рано утром 21 февраля, в десятую годовщину расстрела студенческой демонстрации, тысячи граждан Дакки и студенты различных учебных заведений возложили венки на могилы жертв полицейской расправы. Затем процессия, в которой насчитывалось более пяти тысяч человек, направилась к месту, где десять лет назад были расстреляны студенты. Участники процессии несли плакаты с требованиями восстановить демократические права, свободу слова и печати. На месте расстрела состоялась большой митинг. Выступавшие протестовали против военного режима, требовали освобождения всех лиц, арестованных по политическим мотивам, признания бенгальского языка официальным языком в правительственных учреждениях и всех учебных заведениях провинции. Резолюция митинга была поддержана видными литераторами и профессурой Восточного Пакистана. Повсеместного внедрения бенгальского языка

потребовали и участники митингов в городах Читтагонг и Кхулна.

Обеспокоенный создавшимся положением, президент Айюб-хан был вынужден совершить поездку по восточной части страны, чтобы «навести порядок». В Дакке он обратился к народу с посланием, содержащим прямые угрозы. Но и это не помогло. Правительству пришлось пойти на некоторые уступки. Ярким доказательством этого является, например, тот факт, что даже антидемократическая «конституция» Пакистана, обнародованная 1 марта 1962 года, признала язык бенгали наравне с урду официальным государственным языком Пакистана. За это народ боролся долгие годы.

Весь март и апрель продолжались выступления студентов. 15 апреля из-за студенческих волнений на одном из факультетов Даккского университета власти приняли решение приостановить занятия в университете до 31 мая. В ответ на это 16 апреля студенты устроили митинг и вновь подтвердили свои требования: освобождение арестованных студентов и политических заключенных, отмена выдачи ордеров на арест, гарантия гражданских свобод.

Студентов поддерживают прогрессивные силы страны. В середине апреля семь видных политических деятелей Восточного Пакистана опубликовали заявление, требуя прекратить репрессии и освободить арестованных. С такими же требованиями выступил ряд газет, бывшие лидеры запрещенных партий.

Ни угрозы властей, ни полицейские репрессии, ни антинародные законы не пугают пакистанскую молодежь, которая продолжает упорно бороться за демократизацию страны.

Т. РУЗИЕВ